

ХАРАКТЕР ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Как мы уже отмечали в прошлой лекции, краткость лекционного курса не дает возможности подробно рассмотреть важнейшие проблемы эволюции системы международных отношений в течение первого периода новейшей истории. Поэтому в прошлый раз из всего огромного числа сюжетов по истории международных отношений 30-х гг. мы избрали для подробного изучения лишь один вопрос - вопрос об оценке политического кризиса 1939 г., до сих пор остающейся предметом острых споров и разногласий.

Тот же принцип мы применим и в нынешней лекции. История второй мировой войны, которая завершает первый период новейшей истории, до сих пор не рассматривалась в нашем лекционном курсе, ибо она подробно, убедительно и достаточно объективно изложена в подготовленном коллективом нашей кафедры учебнике. Последняя, 4-я часть этого учебника, посвященная истории второй мировой войны, была написана крупным специалистом по этой проблеме профессором В. П. Смирновым и в целом выдержала испытание временем.

Но опять-таки и по проблемам второй мировой войны современные отечественные историки далеко не всегда приходят к согласию. Напротив, и здесь имеются острые дискуссионные проблемы, по которым до сих пор идут непримиримые споры, сталкиваются взаимоисключающие концепции.

Одна из таких наиболее острых проблем - характер второй мировой войны. Разумеется, необходимо уточнить предмет нашего рассмотрения. Мы не будем сколько-нибудь подробно останавливаться на вопросах, оценка которых, на наш взгляд, не вызывает сомнений. Например, нет необходимости говорить об оценке войны, которую вели страны антигитлеровской коалиции после ее создания в 1941 г. За отдельными исключениями, которые будут сегодня предметом нашего рассмотрения, мы не будем обсуждать и вполне установившуюся в историографии оценку войны, которая велась странами реакционно-фашистского блока.

Мы посвятим нынешнюю лекцию двум вопросам, по которым идут особенно острые споры:

- во-первых, каков был характер войны, которую вели Англия и Франция в начальный период второй мировой войны, т. е. в 1939-1941 гг., и особенно в период так называемой "странной войны" 1939-1940 гг.;

- во-вторых, как оценивать позицию, занятую в 1939-1941 гг. Советским Союзом.

Традиционная марксистская историография этих проблем за 50 лет, истекших со времени второй мировой войны, претерпевала, как мы сегодня увидим, многочисленные и очень существенные изменения. Но все же преобладающая тенденция в оценке войны, которую вели Англия и Франция в 1939-1940 гг., а иногда сюда включался период и до 1941 г., состояла в том, что подчеркивались, а то и абсолютизировались такие стороны действий западных держав, которые свидетельствовали об империалистическом характере войны со стороны Англии и Франции в эти годы. Как правило, делался упор на то, что руководители этих стран и в начальный период второй мировой войны не оставляли надежд на достижение компромисса с фашистской Германией, на продолжение курса на стравливание Германии и СССР.

Напротив, позиция Советского Союза рисовалась в чрезвычайно благоприятном свете. Замалчивались все негативные стороны политики сталинского руководства в эти годы, подчеркивались преимущества, полученные Советским Союзом после заключения пакта о ненападении с Германией, а нарушение ею этого договора и распространение военных действий и на СССР кардинально меняло, по мнению советских историков, весь характер второй мировой войны.

В конце 80-х - начале 90-х гг., в связи с открытием части советских архивов, с применением более объективных приемов научного исследования, начался пересмотр традиционных концепций советской историографии. Однако в новом подходе к решению этих проблем, пожалуй, наиболее ярко проявилось стремление части отечественных публицистов и ученых к пересмотру по принципу "наоборот", путем простой "смены знака". В результате создавалась обратная по оценкам, но столь же односторонняя, черно-белая картина.

В самом деле, в ряде книг и статей, опубликованных в 90-е гг., делается упор на своеобразную реабилитацию действий Англии и Франции в начальный период второй мировой войны, а иногда и на прямое отрицание империалистических тенденций в политике руководителей Англии и Франции в это время.

С другой стороны, в этих работах производится кардинальный пересмотр оценок политики СССР в 1939-1941 гг. Дается крайне негативная оценка пакта о ненападении с Германией, более того, утверждается, что это был фактически не договор о ненападении, а договор о взаимопомощи, что Советский Союз прямо помогал фашистской Германии и поэтому был якобы ее "невоюющим союзником". Иногда даже говорится о том, что в самом начале второй мировой войны Советский Союз вел военные действия вместе с фашистской Германией.

В отдельных случаях дело доходит даже до оправдания действий гитлеровской Германии. Так, в 1993 г. бывший офицер Главного разведыва-

тельного управления СССР Владимир Резун, эмигрировавший в 1978 г., опубликовал под псевдонимом Виктор Суворов книгу под названием "Ледокол. Кто начал вторую мировую войну?". В этой книге утверждалось, что, по сути дела, фашистская Германия не была агрессором, что она начала войну против СССР с целью срыва готовившейся Сталиным "превентивной войны" против Германии, которая якобы вот-вот должна была начаться в июле 1941 г. Книга В. Суворова и его последующие "труды" массовыми тиражами начали издаваться и продолжают издаваться в нашей стране.

Встает законный вопрос: где истина? Каковы объективные оценки действий руководителей Англии, Франции и СССР в начальный период второй мировой войны? В нынешней лекции мы и попытаемся дать ответ на эти вопросы, опираясь на ряд интересных, основанных на новых архивных материалах статей отечественных историков, опубликованных в последние годы в научных журналах. Особенно ценны, на наш взгляд, статьи Ф. И. Фирсова, В. П. Смирнова, В. Я. Сиполса, Ю. А. Горькова и др.

* * *

Оценка характера второй мировой войны, как мы уже говорили, неоднократно менялась на протяжении всего периода, истекшего со второй половины 30-х гг., когда в советской политике и публицистике впервые началось обсуждение этой проблемы. В те предвоенные годы, как правило, считалось, что вторая мировая война фактически началась уже в 1936-1938 гг., после первых агрессивных актов держав реакционно-фашистского блока.

Оценка готовившейся (а по тогдашним понятиям, уже начавшейся) второй мировой войны в официальной советской пропаганде, документах Коминтерна и тогдашней публицистике исходила из принятой в середине 30-х гг. советским руководством внешнеполитической линии. Эта оценка исходила из того, что после прихода национал-социалистов к власти в Германии в 1933 г. главную угрозу миру представлял фашизм. Поэтому в целях борьбы против фашизма на VII конгрессе Коминтерна был выдвинут лозунг Народного фронта как союза всех демократических сил в каждой из стран. На международной арене еще в 1934 - 1935 гг. был взят курс на союз СССР и стран буржуазно-парламентской демократии против стран реакционно-фашистского блока во главе с Германией.

В своих оценках официальная советская пропаганда и публицистика второй половины 30-х гг. опирались на тезис, что международная ситуация, сложившаяся перед второй мировой войной, кардинально отлична от ситуации накануне первой мировой войны.

Утверждалось, что в первой мировой войне боролись против друг друга две империалистические коалиции, одинаково ответственные за

подготовку мирового конфликта, что они вели войну либо за кардинальный передел мира, как страны Тройственного союза, либо за сохранение и расширение колоний и сфер влияния, как страны Антанты. Говорилось, далее, что в конце 30-х гг. на международной арене стоят против друг друга тоже две империалистические коалиции, но на сей раз эти две коалиции принципиально различны между собой.

Основной враг мира, делался вывод, - это державы реакционно-фашистского блока во главе с Германией, ибо они ведут войну не только за то, чтобы взять реванш за поражение в первой мировой войне, как Германия, или получить новые территориальные приобретения, как Италия и Япония, но и за то, чтобы установить мировое господство, ликвидировать независимые национальные государства, уничтожить парламентскую демократию и установить "новый мировой порядок", т. е. распространить режим жестокой тоталитарной диктатуры на весь мир. Следовательно, Германия и другие страны реакционно-фашистского блока - смертельная угроза человеческой цивилизации.

С другой стороны, страны англо-французского блока - это тоже империалистические, но неагрессивные, миролюбивые державы, страны буржуазно-парламентской демократии, которые ведут борьбу за сохранение status quo. Конечно, у правящих кругов Англии и Франции есть свои империалистические расчеты. Они стремятся сохранить систему колониального гнета, расширить свои колониальные владения. Они стремятся направить агрессию фашистской Германии против Советского Союза. Но в то же время они выступают и против фашистских планов "нового мирового порядка" и в этом отношении могут быть союзниками СССР.

Вплоть до лета 1939 г. эта концепция была официальной точкой зрения советской пропаганды и многократно повторялась в печати, книгах и статьях. Так, даже в июле 1939 г. в официальном теоретическом органе ЦК ВКП(б) журнале "Большевик" была опубликована установочная статья под названием "Вторая империалистическая война", в которой проводилось четкое различие двух коалиций. В статье говорилось, что "агрессоры (Германия, Италия и Япония) ведут войну... против таких крупнейших неагрессивных стран, как США, Англия и Франция. В этом заключается коренная разница нынешней обстановки по сравнению с обстановкой 1914 г., когда войну начали две империалистические коалиции".

Далее утверждалось, что эти неагрессивные страны не отказались от политики "невмешательства" и еще не стали "на путь совместной активной обороны от фашистских агрессоров". Но все же "война, начатая ныне фашистскими агрессорами" (напомним, что агрессивные акты 1936-1938 гг. в тот период считались уже началом второй мировой войны) "в конечном счете направлена против капиталистических интересов Англии, Франции и США. Война представляет угрозу для всех миролюбивых стран, и в первую очередь для СССР".

Поэтому, делался вывод, “соглашение между Советским Союзом и неагрессивными государствами” было бы “актом справедливым, прогрессивным” и “встретило бы восторженную поддержку международного рабочего класса и трудящихся во всех странах”.

Такова была, повторяем, вплоть до лета 1939 г. официально высказываемая линия советского руководства. Однако в прошлой лекции мы видели, что действительная политическая линия сталинского руководства в 1939 г. противоречила этим официальным заявлениям. Мы уже говорили о том, что в 1938-1939 гг. произошел фактический отход Сталина от политической линии 1935-1936 гг., отраженной в решениях VII конгресса Коминтерна. В выступлениях Сталина все более сказывалась тенденция к отрицанию принципиальной разницы между фашистскими странами и странами буржуазно-парламентской демократии, тенденция к однозначной оценке этих двух групп стран как одинаковых империалистических коалиций, которые проводят политику “капиталистического окружения” Советского Союза, направленную на уничтожение “страны победившего социализма”. Как мы уже отмечали, эта тенденция отчетливо сказалась в опубликованном осенью 1938 г. “Кратком курсе истории ВКП(б)” и в отчетном докладе Сталина на XVIII съезде партии в марте 1939 г. Характерно, что ни в том ни в другом случае не было сказано ни единого слова ни о VII конгрессе Коминтерна, ни о лозунге Народного фронта.

В соответствии с этой новой внешнеполитической установкой сталинское руководство СССР, ведя переговоры с Англией и Францией, делало упор на разоблачение их “мюнхенской политики”, вступило в контакты с Германией и в августе 1939 г. пошло на заключение с ней пакта о ненападении.

Для коммунистических партий стран Запада заключение советско-германского пакта было огромной неожиданностью. Ни руководители компартий, ни руководство Коминтерна даже не подозревали о секретном протоколе к договору. И само правительство СССР, подписывая договор с Германией, в целях успокоения общественного мнения заявило, что оно не закрывает дорогу для продолжения переговоров с Англией и Францией.

Поэтому 22 августа 1939 г., накануне подписания советско-германского пакта, Исполком Коминтерна, одобряя намерение СССР пойти на заключение договора с Германией, в то же время пытался проводить прежнюю линию борьбы в первую очередь против агрессивного фашистского блока. В заявлении секретариата ИККИ говорилось: “Своей готовностью заключить с Германией пакт о ненападении СССР помогает малым соседним Прибалтийским странам и действует в защиту всеобщего мира... Этим СССР срывает планы буржуазных, реакционных кругов..., стремящихся направить агрессию против страны социализма... СССР разъединяет агрессоров, освобождает себе руки против агрессии Японии и в деле помощи китайскому народу. Наконец, переговоры с Германией могут понудить правительства Англии и Франции перейти от

пустых разговоров к скорейшему заключению пакта с СССР". Заявление секретариата ИККИ заканчивалось указанием "на необходимость продолжать с еще большей энергией борьбу против агрессоров, в особенности против германского фашизма".

Эта линия Исполкома Коминтерна была активно поддержана коммунистическими партиями стран Запада. После того как 1 сентября 1939 г. началась вторая мировая война, компартии Франции, Англии, США, Бельгии, Голландии, Дании, Швейцарии поддержали объявление Англией и Францией войны Германии. Особенно важное значение имела позиция влиятельной Французской компартии. Парламентская группа ФКП голосовала за военные кредиты и заявила о "непоколебимой, решимости всех коммунистов стать в первые ряды сопротивления агрессии гитлеровского фашизма", о своей готовности "все пустить в ход, чтобы обеспечить поражение гитлеровского агрессора" в войне, которая носит "антифашистский характер".

Часть членов руководства ФКП, включая Мориса Тореза, вступила в ряды французской армии.

Однако эта линия, занятая руководством Коминтерна, была абсолютно неприемлема для сталинского руководства СССР после заключения советско-германского пакта о ненападении. В своей политике оно исходило из расчетов направить агрессию Германии против стран Запада. С началом войны линия на стравливание двух коалиций с целью их взаимного ослабления выдвинулась в центр политики советского руководства.

Новый внешнеполитический курс СССР был откровенно изложен в личной беседе Сталина с Георгием Димитровым 7 сентября 1939 г. В записи Димитрова установки советского диктатора звучали так: "Война идет между двумя группами капиталистических стран (бедные и богатые в отношении колоний, сырья и т.д.) за передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если руками Германии будет расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии). Гитлер, сам того не понимая и не желая, расстраивает, подрывает капиталистическую систему... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались. Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии. Следующий момент - подталкивать другую сторону.

Коммунисты капиталистических стран должны выступать решительно против своих правительств, против войны.

До войны противопоставление фашизму демократического режима было совершенно правильно. Во время войны между империалистическими державами это уже неправильно. Деление капиталистических государств на фашистские и демократические потеряло прежний смысл.

Война вызвала коренной перелом. Единый народный фронт вчерашнего дня был для облегчения положения рабов при капиталистическом

режиме. В условиях империалистической войны поставлен вопрос об уничтожении рабства! Стоять сегодня на позиции вчерашнего дня (единый народный фронт, единство наций) - значит скатываться на позиции буржуазии. Этот лозунг снимается... Надо сказать рабочему классу: война идет за господство над миром; воюют хозяева капиталистических стран за свои империалистические интересы. Эта война ничего не даст рабочим, трудящимся, кроме страданий и лишений. Надо выступить решительно против войны и ее виновников. Надо разоблачать нейтралитет буржуазных нейтральных стран, которые, выступая за нейтралитет у себя, поддерживают войну в других странах в целях наживы".

Это был кардинальный поворот. Из этих установок исходило требование прекратить разоблачение германского фашизма и направить основной удар в пропаганде против империализма вообще, отказаться от сотрудничества с буржуазно-демократическими силами, с социал-демократией. Утверждалось, что острие критики надо направить на виновников войны, которыми считались Англия и Франция. В соответствии с этим Сталин потребовал от руководства Коминтерна, от компартий стран Запада, прежде всего от компартий Франции и Англии, немедленно изменить свой политический курс.

Уже 9 сентября 1939 г. Исполком Коминтерна, полностью поддержав сталинские установки, выступил с новым заявлением о политике и тактике коммунистических партий в связи с войной. В соответствии с установками советского диктатора в этом заявлении утверждалось, что война Англии и Франции - это не война против фашизма, что идет борьба двух империалистических коалиций за мировое господство и что компартии должны разоблачать империалистический характер войны.

С этого времени термин "фашизм" практически исчез из пропагандистского арсенала СССР. За ним последовало и международное коммунистическое движение. Правда, столь кардинальная перемена фронта вызвала в коммунистическом движении немалые трудности. В особенно тяжелом положении оказалась Французская компартия. В отличие от других компартий стран Запада, которые не пользовались особо большим влиянием в политической жизни своих стран, Французская компартия была крупной политической силой и имела немалый авторитет в кругах демократической общественности. Тем более тяжелый моральный удар нанесло неожиданное для нее заключение советско-германского пакта и вынужденное одобрение этого договора руководством ФКП. Коммунистов нередко обвиняли в те дни в пособничестве фашистской Германии. Как вспоминал член политбюро ЦК ФКП Артюр Раметт, "коммунистов оскорбляли на улице, на заводах... Это были страшные дни изоляции. Мы не могли даже выступать, нас больше не слушали".

Но все же поддержка Французской компартией решения Англии и Франции объявить войну Германии, оценка этой войны как антифашистской, направленной против агрессии гитлеровской Германии в какой-то

мере сдерживали стремление правительственных кругов использовать затруднительное положение Французской компартии для нанесения ей решительного удара.

Ситуация изменилась, когда руководство ФКП, выполняя требование Исполкома Коминтерна, начало "выправление" своей политической линии в соответствии с новыми директивными установками Сталина. Это облегчило французскому правительству осуществление готовившейся им акции. 26 сентября 1939 г. ФКП была запрещена.

"Выправление" линии ФКП и поддержка ею нового курса советского руководства вызвали серьезные сомнения и даже возражения в рядах компартии. Сомнение испытывали даже такие виднейшие деятели ФКП, как ветеран коммунистического движения Марсель Кашен и выдающийся журналист Габриэль Пери. Более того, директивы Коминтерна и послушное следование им руководства ФКП вызвали прямое осуждение значительной части коммунистических депутатов французского парламента. 27 депутатов, т. е. более трети парламентской фракции ФКП, публично осудили новый политический курс Коминтерна и руководства Французской компартии. В их числе оказался даже член Политбюро ЦК ФКП, секретарь по организационным вопросам Марсель Життон, занимавший в неофициальной партийной иерархии третье место после Тореза и Дюкло.

Руководство компартии объявило Життона "предателем" и "полицейским провокатором", оказало сильнейшее моральное давление на колеблющихся и опубликовало ряд официальных заявлений о полнейшей солидарности с новым политическим курсом сталинского руководства СССР. Все это вызвало новую волну репрессий против коммунистов и существенно ослабило моральный авторитет ФКП.

Тезис об империалистическом характере второй мировой войны со стороны обеих воюющих коалиций оставался постоянным тезисом советской пропаганды вплоть до 22 июня 1941 г. С особой настойчивостью он стал пропагандироваться после подписания договора о "дружбе и границе" между СССР и Германией 28 сентября 1939 г. Вина за развязывание и продолжение войны все более возлагалась на Англию и Францию. С особой четкостью этот тезис был провозглашен в докладе В. М. Молотова о внешней политике СССР на сессии Верховного совета 31 октября 1939 г. В докладе утверждалось, что с началом войны понятие "агрессор" приобрело новый смысл. "Теперь, если говорить о великих державах Европы, - говорилось далее, - Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему заключению мира, а Англия и Франция, вчера еще ратовавшие против агрессии, стоят за продолжение войны".

В докладе Молотова осуждались выступления руководителей Англии и Франции, в которых утверждалось, что они ведут борьбу за "уничтожение гитлеризма", и далее следовало рассуждение, просто невозможное для советской пропаганды всего лишь за несколько месяцев до этого: "Не

только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за уничтожение гитлеризма, прикрываемую фальшивым флагом борьбы за демократию". А сам Сталин в своем заявлении от 30 ноября 1939 г. подвел итог: "Не Германия напала на Францию и Англию, - говорилось там, - а Англия и Франция напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну".

Правда, с лета 1940 г., после разгрома Франции, наиболее одиозные оценки позиции Англии и Франции, высказывавшиеся осенью 1939 г., стали несколько смягчаться. Тем не менее и в пропагандистской литературе этого времени, и в научных трудах тех лет прочно господствовал тезис об империалистическом характере войны со стороны обеих воюющих коалиций на всем протяжении времени от сентября 1939 г. до июня 1941 г.

Это было прямым следствием тогдашнего внешнеполитического курса советского руководства, рассчитывавшего на длительную войну на Западе и на взаимное ослабление Германии и англо-французского блока. После того как эти расчеты не оправдались и Германия захватила многие страны Западной Европы, включая Францию, в центр сталинской политики стала задача - любой ценой сохранить мир для СССР, отсрочить войну. Это было связано, прежде всего, с необходимостью подготовиться к войне, ликвидировать военное отставание СССР.

Но в советской пропаганде этого периода сохранялись также и отзвуки традиционного коминтерновского курса на "революционное ниспровержение капитализма". Так, например, в одной из своих статей, опубликованной в апреле 1941 г., академик Е. Варга, как это ни кажется сейчас невероятным, писал, что интересы Советского Союза "требуют сохранения мира до тех пор, пока не созреет революционный кризис в капиталистических странах". И далее в статье утверждалось: "Если возникнет такая ситуация, что в некоторых странах в результате войны разразится революционный кризис, буржуазная власть будет ослаблена и пролетариат захватит власть в свои руки, то Советский Союз должен будет пойти и пойдет на помощь пролетарской революции в других странах".

Как мы видим, корыстные расчеты сталинского руководства в 1939-1941 гг. переплетались с пережитками сектантско-догматических концепций, господствовавших до середины 30-х гг. в Коминтерне.

После нападения фашистской Германии на Советский Союз в официальной пропаганде СССР сразу же произошел новый кардинальный пересмотр, ибо Советский Союз стал союзником Англии.

Уже в выступлении по радио 3 июля 1941 г. Сталин выразил уверенность в том, что Отечественная освободительная война советского народа против фашистских поработителей "сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы".

В докладе на торжественном заседании в связи с 24-й годовщиной Октябрьской революции 6. ноября 1941 г. Сталин заявил еще более

определенно: "Немцы ведут теперь войну захватническую, несправедливую, рассчитанную на захват чужой территории и покорение чужих народов. В отличие от гитлеровской Германии Советский Союз и его союзники ведут войну освободительную, справедливую, рассчитанную на освобождение поработанных народов Европы и СССР от гитлеровской тирании".

Вплоть до конца войны эта точка зрения была господствующей.

Более того, сразу после окончания второй мировой войны эта точка зрения была не только повторена, но и распространена не только на период Великой Отечественной войны, но и на начальный период второй мировой войны (1939-1941 гг.).

В речи перед избирателями 9 февраля 1946 г. Сталин заявил: "Вторая мировая война против государств оси, в отличие от первой мировой войны, приняла с самого начала характер антифашистской, освободительной, одной из задач которой являлось также восстановление демократических свобод. Вступление Советского Союза в войну против государств оси могло лишь усилить - и действительно усилило - антифашистский и освободительный характер второй мировой войны".

Эта точка зрения была преобладающей в первое послевоенное десятилетие. И в официальной пропаганде, и в публицистических и научных трудах, как правило, утверждалось, что империалистические цели руководителей буржуазно-демократических стран Запада действительно существовали, но это не могло изменить антифашистского характера войны, которую вели в 1939 - 1941 гг. Англия и Франция, а вступление СССР в войну в 1941 г. еще более усилило ее антифашистский, освободительный характер.

Правда, в разгар "холодной войны", в начале 50-х гг., в отдельных выступлениях Сталина чувствовались рецидивы прежних оценок, дававшихся в 1939 - 1941 гг. Так, в 1952 г. в работе "Экономические проблемы социализма в СССР" Сталин утверждал: "Каждая из двух капиталистических коалиций, вцепившихся друг в друга во время войны, рассчитывала разбить противника и добиться мирового господства".

Но в целом оценка, данная в 1946 г., оставалась без изменений.

Новый пересмотр официальной точки зрения на характер второй мировой войны произошел во второй половине 50-х гг. После обсуждения в узком кругу специалистов-ученых новая концепция (или, вернее, возрождение старой концепции) была опубликована в 1958 г. в теоретическом органе ЦК КПСС журнале "Коммунист", а затем повторена во многих официальных трудах по истории второй мировой войны.

Постепенно сложилось несколько вариантов этой официальной концепции.

Наиболее жесткий вариант гласил, что до 22 июня 1941 г. вторая мировая война носила империалистический характер с обеих сторон и превратилась в освободительную, антифашистскую войну для всех

противников нацистской Германии только после вступления в войну Советского Союза.

Однако со временем на первый план вышел смягченный вариант этой концепции. Утверждалось, что вторая мировая война началась в 1939 г. действительно как империалистическая со стороны обеих коалиций. Но постепенно, особенно с лета 1940 г., когда после поражения Франции усилилась угроза установления фашистского "нового порядка" в Европе, началось ее перерастание в антифашистскую, освободительную войну для всех противников Германии. Вступление в войну Советского Союза завершило этот процесс и окончательно утвердило ее освободительный, антифашистский характер.

Наконец, сложился и третий, более диалектический вариант официальной концепции. Да, говорили его сторонники, вторая мировая война началась как империалистическая со стороны обеих коалиций. Но все же в действиях западных противников Германии с самого начала существовала также и освободительная, антифашистская тенденция. Сначала, в 1939-м и первой половине 1940 г., она не играла решающей роли, была второстепенной. Но постепенно, особенно с лета 1940 г., эта вторая тенденция стала превращаться в одну из равносильных, а затем и в преобладающую тенденцию. Окончательно этот процесс завершился после начала Великой Отечественной войны.

Все эти три варианта, а особенно две смягченные разновидности официальной концепции, сосуществовали и высказывались в литературе по второй мировой войне вплоть до начала 90-х гг.

Дискуссии в отечественных научных журналах, развернувшиеся в конце 80-х - начале 90-х гг., не привели к единой точке зрения. В научных статьях и книгах, опубликованных в 90-е гг., высказывались две различные концепции по вопросу о характере войны против фашистской Германии на ее первом этапе - в 1939-1941 гг.: концепция антифашистской войны, которую вели в этот период Англия и Франция, и концепция перерастания второй мировой войны из империалистической в антифашистскую (в охарактеризованных нами двух вариантах).

Какой же точке зрения надо отдать предпочтение? По нашему мнению, более соответствует истине первая концепция - то, что вторая мировая война со стороны противников Германии с самого начала была справедливой, антифашистской войной.

Почему? Бесспорно, что до начала второй мировой войны в политике руководителей Англии и Франции переплетались две различные тенденции. С одной стороны, проявлялась сильная тенденция к сговору с фашистской Германией, намерение направить фашистскую агрессию против Советского Союза. Об этом мы подробно говорили в прошлой лекции. Но, с другой стороны, в борьбе Англии и Франции против Германии сказывались не только империалистические противоречия великих держав, не только борьба за преобладание на мировой арене, но и то, что экспансия

германского фашизма создала серьезную угрозу национальной независимости и демократическим свободам в странах Европы, а затем и всего мира.

С началом второй мировой войны при всех колебаниях правительственных курсов Англии и Франции победила все же тенденция борьбы против фашистской Германии. Об этом свидетельствовало хотя бы то, что в сентябре 1939 г. не состоялся "второй Мюнхен", попытки осуществления которого не раз предпринимались. Важно и то, что была провозглашена задача "борьбы против гитлеризма".

Конечно, сохранялись и империалистические расчеты правителей Англии и Франции. Объявив войну Германии, Англия и Франция вплоть до мая 1940 г. практически не вели военных действий. Не случайно эта война получила название "странной войны". К тому же некоторые представители правящих кругов стран Запада вели тайные переговоры с Германией о прекращении военных действий и о совместной борьбе против СССР. В период советско-финской войны они строили планы военного вмешательства в этот конфликт.

Но все же постепенно усиливались позиции сторонников активной борьбы против фашистской Германии, а не сговора с нею. В мае 1940 г. во главе английского правительства встал Уинстон Черчилль, провозгласивший лозунг бескомпромиссной борьбы против нацистской Германии.

Поэтому независимо от империалистических расчетов руководства держав Запада война Англии и Франции против Германии даже в период "странной войны" 1939-1940 гг. была справедливой, освободительной войной.

Концепция "перерастания" уязвима и еще по ряду важных соображений. В самом деле, и традиционная советская историография и современные взгляды отечественных ученых содержат твердый тезис о справедливом, освободительном характере второй мировой войны после создания в 1941 г. мощной антигитлеровской коалиции, основанной на военно-политическом союзе СССР, Англии и США. И в этом действительно нет сомнений.

Но встает вопрос: а разве после 22 июня 1941 г. исчезли империалистические цели и расчеты правящих кругов стран Запада? Конечно, нет. Корыстные империалистические цели и расчеты руководителей Англии и США проявились в систематических затяжках открытия второго фронта, в отказе от него в самое трудное для Советского Союза время - в 1941 - 1942 гг. Второй фронт был открыт лишь в июне 1944 г., т. е. тогда, когда руководители западных держав оказались перед опасностью победы над Германией силами одного лишь Советского Союза. К этому надо добавить, что англо-американские планы военных действий долгое время предусматривали высадку войск не на Атлантическом побережье Франции, откуда шел ближайший путь в Германию, а на Балканах, и это объяснялось отнюдь не соображениями военной целесообразности, а

политическими расчетами сохранения своего влияния в странах Юго-Восточной и Центральной Европы. Наконец, на заключительном этапе второй мировой войны, в 1944-м - начале 1945 г. представители Соединенных Штатов и Англии не раз предпринимали попытки тайных переговоров с Германией.

Следовательно, империалистические тенденции в политике буржуазно-парламентских стран Запада существовали и оказывали активное воздействие на их политический курс не только на начальном этапе, но в течение всего периода второй мировой войны. Но в то же время они находились в состоянии войны с фашистской Германией. Поэтому наличие в их политике более или менее сильных империалистических тенденций не может быть поводом для отрицания справедливого, антифашистского характера войны для западных противников нацистской Германии на протяжении всего периода второй мировой войны.

* * *

Встает еще один важный вопрос: как же в связи со всем уже сказанным можно оценить позицию сталинского руководства СССР в 1939 - 1941 гг.? Ведь, как мы уже говорили, важнейшей его целью в начальный период войны было способствовать все большему стравливанию англо-французского блока и Германии, извлечь возможно большие выгоды от советско-германского пакта и распространить свое влияние на соседние страны Восточной Европы. Все это и определило крайне одиозные акции советского руководства в течение 1939-1940 гг.

Среди них были: подписание секретного протокола о размежевании сфер государственных интересов СССР и Германии, а затем заключение договора о дружбе и границе между двумя странами 28 сентября 1939 г., закрепившего и дополнившего секретные советско-германские договоренности по пакту 23 августа 1939 г.; развязывание несправедливой, захватнической войны СССР против Финляндии 30 ноября 1939 г.; навязывание сталинского тоталитарного режима народам Прибалтийских стран после их включения в состав Советского Союза летом 1940 г.; новые переговоры с Германией во время официального визита В. М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. и принципиальное согласие советского руководства на дальнейшие переговоры об условиях установления связей СССР с участниками так называемого Тройственного пакта - военного союза Германии, Италии и Японии, подписанного 27 сентября 1940 г.; торговля Советского Союза с Германией, снабжение ее продовольственными и промышленными товарами, в том числе и некоторыми стратегическими материалами; наконец, прогерманская линия в официальной пропагандистской линии советского руководства.

Значит ли все это, что эти акции советского руководства свидетельствовали о том, что, как нередко говорится в современной отечественной

публицистике, Советский Союз был в 1939-1941 гг. союзником фашистской Германии, что советско-германский пакт был фактически пактом о взаимопомощи, что СССР был не только "невоюющим", но и "воюющим союзником" Германии? На наш взгляд, подобные выводы лишены оснований.

Почему? Да, на основании секретного протокола о размежевании сфер государственных интересов СССР и Германии 17 сентября 1939 г. советские войска вступили в Западную Украину и Западную Белоруссию, которые затем были объединены с Советской Украиной и Советской Белоруссией. На том же основании в конце сентября - начале октября 1939 г. СССР заключил договоры о взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой и ввел туда первые контингенты войск. Летом 1940 г. страны Прибалтики вошли в состав Советского Союза. Тогда же советские войска вступили на территорию Бессарабии.

Все эти события нередко интерпретируются в современной отечественной публицистике, а иногда и в научной литературе как свидетельство того, что Советский Союз выступал в этих акциях как союзник Германии, а иногда, как это было в сентябре 1939 г., даже вел "совместные военные действия вместе с фашистской Германией против Польши".

Однако, на наш взгляд, такая оценка чрезвычайно односторонняя, пристрастная и недостаточно учитывает сложности реальной ситуации 1939 - 1941 гг.

Конечно, если применять в качестве единственного критерия оценки строгие моральные нормы, то всем этим акциям советского руководства, предпринятым в 1939-1940 гг., вряд ли можно найти оправдание. Но ведь надо иметь в виду, что Советскому Союзу противостояли в то время такие государства, руководству которых, причем не только руководству фашистской Германии, но и лидерам англо-французского блока, отнюдь не были свойственны высокие моральные нормы. Поэтому вряд ли верно было бы применять двойной стандарт и требовать от одного лишь СССР следования высоким моральным нормам при решении международных проблем. К тому же даже с чисто моральной точки зрения некоторые акции советского руководства в тот период нельзя оценить однозначно. Например, известно, что восточные районы Польши, населенные в основном украинцами и белорусами, были захвачены Польшей в 1920 г. несмотря на то, что даже тогдашние руководители западных держав при разработке послевоенной системы мирных договоров предлагали установить восточные границы Польши в соответствии с так называемой "линией Керзона", не включая в состав Польши западноукраинские и западнобелорусские земли. Поэтому воссоединение этих районов с Советской Украиной и Советской Белоруссией было в значительной степени оправданным даже с моральной точки зрения. Не случайно большинство населения Западной Украины и Западной Белоруссии в сентябре 1939 г. встречало советские войска как освободителей. Морально оправданным было и вступление

советских войск в Бессарабию, захват которой Румынией, произведенный в 1918 г., никогда не признавался Советским Союзом.

Но, повторяем, оценка всех этих акций СССР в 1939-1940 гг. должна быть проведена не только с моральной, но и с военно-политической точки зрения. И в условиях возможного захвата фашистской Германией территории западных соседей Советского Союза установление определенного территориального предела продвижения германских войск на восток было в какой-то мере оправданным. Не случайно польское военное командование дало распоряжение польской армии не оказывать сопротивления советским войскам, и столкновения между ними, которые, к сожалению, имели место, носили все же случайный характер. И даже значительные слои населения стран Прибалтики рассматривали заключение договоров о взаимопомощи с СССР и размещение на их территории советских войск как меньшее зло по сравнению с захватом Прибалтики фашистской Германией.

Следовательно, отнюдь не оправдывая вступления советских войск на территорию соседних стран, особенно с моральной точки зрения, мы все же склонны думать, что говорить о том, будто в проведении этих акций СССР был союзником фашистской Германии, оснований нет.

Правда, результатом вхождения всех этих районов в состав Советского Союза стало распространение на них террористического сталинского режима - и этому оправданий нет и быть не может. Но все же этот факт не имеет прямого отношения к вопросу об оценке военно-политических акций СССР в 1939 г.

Никакого оправдания не может быть наиболее одиозной акции советского руководства - развязыванию войны против Финляндии 30 ноября 1939 г. Попытки оправдать эту войну намерением отодвинуть советско-финскую границу на Карельском перешейке, проходившую всего лишь в 32 км от Ленинграда, и тем обезопасить себя противоречит элементарным нормам международного права. На самом же деле война против Финляндии была развязана также в соответствии с секретным протоколом к советско-германскому пакту 1939 г., после того как финское правительство отказалось от заключения договора о взаимопомощи с СССР. Целью войны было включить и эту страну в орбиту советского влияния, а затем присоединить ее к СССР. Не случайно в первые же дни войны на территории Советского Союза было сформировано так называемое "народное правительство Демократической Финляндской республики" во главе с одним из руководителей Коминтерна Отто Куусиненом, а затем последовали призывы к "освобождению финляндского народа" от "гнета капиталистического рабства". Ясно, что Финляндии готовилась участь Прибалтийских стран, и только героическое сопротивление обеспечило Финляндии сохранение независимости.

Но с военно-политической точки зрения советско-финская война 1939 - 1940 гг. была все же локальным эпизодом, а не частью второй мировой

войны. Англо-французское руководство в начале 1940 г. планировало оказать военную помощь Финляндии через территорию Скандинавских стран, а также открыть фронт против СССР в Закавказье через территорию Турции. В случае осуществления этих планов Советский Союз действительно мог бы стать воюющим союзником Германии.

Но эти планы не осуществились, ибо в марте 1940 г. война в Финляндии была окончена заключением мирного договора. Вовлечения СССР во вторую мировую войну на стороне Германии не хотело и нацистское руководство, ибо оно считало Советский Союз своим основным противником. Заключенный с ним пакт о ненападении германское руководство рассматривало лишь как временный тактический ход, нужный Германии лишь на период войны против Англии и Франции. Поэтому во время советско-финской войны Германия придерживалась позиции нейтралитета, в то же время добиваясь усиления своего влияния на Финляндию.

Большое и во многом обоснованное моральное негодование многих отечественных ученых и публицистов вызывает визит В.М.Молотова в Берлин и его переговоры с Гитлером, Риббентропом, Герингом и Гессом в ноябре 1940 г.

Разберемся и с этим. Инициативу приглашения советских лидеров на переговоры взяло на себя нацистское руководство Германии. Это был рассчитанный тактический ход Гитлера. Дело в том, что после разгрома Франции под властью Германии оказалась почти вся Западная Европа, но германские планы одержать уже в 1940 г. победу над Англией и заставить ее капитулировать провалились. Поэтому летом 1940 г. германское руководство сделало выбор. Продолжая утверждать, что следующим шагом вооруженных сил Германии будет высадка в Англии и ее быстрый разгром, Гитлер 31 июля 1940 г. отдал распоряжение о подготовке так называемого "плана Барбароссы", т.е. плана молниеносной войны против СССР. Одновременно Германия приступила к оформлению военного союза с Италией и Японией. 27 сентября 1940 г. был подписан Тройственный пакт, который фактически был направлен и против Англии, и против Советского Союза. Но в то же время с целью дезинформации относительно своих истинных целей гитлеровское руководство попыталось создать впечатление, что оно стремится к продолжению и активизации отношений с СССР на основе пакта 1939 г. Этой цели и была подчинена инициатива германской стороны начать переговоры с Советским Союзом в ноябре 1940 г.

В ходе ноябрьских переговоров в Берлине Гитлер и Риббентроп сделали главе советской делегации В.М.Молотову ряд важных предложений. Каких же? В ряде публикаций в отечественных политических и научных журналах 90-х годов утверждалось, что Советскому Союзу было сделано предложение присоединиться к Тройственному пакту, с тем чтобы превратить его в Четверной пакт. Привлечение новых архивных материалов позволило профессору В.Я.Сиполсу уточнить содержание германских

предложений. В статье, опубликованной в 1996 г. в журнале "Новая и новейшая история", он привел данные о том, что Германия предложила Советскому Союзу не вступление в военный блок трех держав, а лишь "политическое сотрудничество" с участниками Тройственного пакта.

Но в конечном счете это не меняло сути дела. В ходе переговоров Гитлер и Риббентроп не раз заявляли, что Англия фактически уже потерпела поражение, что час ее полного разгрома близок и что на первый план выходит проблема огромных владений гибнущей Британской империи и установления сфер влияния противников Англии в Европе и в так называемом "великом азиатском пространстве". Советскому Союзу было предложено принять участие в этом будущем разделе, причем ему предлагался путь в Иран, к берегам Аравийского моря и Индийского океана.

Каков же был ответ советской делегации? Вот как пишет об этом в своей книге М.И.Семиряга: "Как же реагировал на эти предложения советский нарком? Может быть, он встал и в категоричной форме заявил о принципиальной неприемлемости для Советского Союза вести переговоры по подобным проблемам? Ничуть не бывало!" Так и представляешь себе эту картину: Молотов, стоящий в позе высокого морального негодования и разъясняющий нацистскому диктатору азы нравственности! Нет, это было бы слишком просто и уж, конечно, не свидетельствовало бы о глубоком понимании сложной и очень тревожной для Советского Союза обстановки в Европе и мире в конце 1940 г.

Советское руководство полностью осознало, что его расчеты на длительное ведение военных действий на Западе и на ослабление Германии не оправдались. Оно понимало, что близится военное нападение Германии на СССР в условиях его неподготовленности к крупномасштабным военным действиям. Советско-финская война наглядно показала военную слабость СССР. Между тем летом и осенью 1940 г. Германия стала перебрасывать крупные военные силы к границам Советского Союза. Она ввела значительные контингенты войск в Румынию, в Финляндию. Становилось ясно, что предложения Германии о будущем разделе сфер влияния с участием СССР - не более чем дымовая завеса с целью скрыть истинные намерения нацистской Германии в отношении Советского Союза и одновременно с этим осложнить отношения СССР с Англией путем сознательной "утечки" сведений о советско-германских переговорах о возможном разделе владений Британской империи.

Именно поэтому советская делегация, прямо не отвергая возможность "политического сотрудничества" с участниками Тройственного пакта, уклонилась от обсуждения конкретных условий этого сотрудничества и вопроса о возможности участия СССР в разделе сфер влияния во владениях Британской империи. Вместо этого Молотов предъявил Гитлеру и Риббентропу ряд совершенно неприемлемых для них условий. От имени советской делегации он потребовал немедленного вывода из Финляндии всех германских войск, а также заявил о необходимости обеспечения

безопасности СССР в районе Черного моря, предоставления гарантий Советского Союза Болгарии и участия СССР в решении всех вопросов, касающихся стран Балканского полуострова и Турции.

Однако эти требования советской делегации были встречены германской стороной крайне недоброжелательно. Признав безуспешность своих усилий на переговорах в Берлине дезинформировать Советский Союз относительно истинных устремлений Германии и связать СССР твердыми обязательствами по отношению к Тройственному пакту, гитлеровское руководство отказалось от всех своих предложений Советскому Союзу. Ни о каких обсуждениях политических проблем между Германией и СССР больше не было речи. Нацистская Германия готовилась к нападению на СССР.

Как же оценить позицию советской делегации на берлинских переговорах в ноябре 1940 г.? Разумеется, в выступлениях Молотова во время его бесед с Гитлером и Риббентропом по-прежнему просматривалось стремление советского руководства извлечь возможно большие выгоды из советско-германских договоренностей 1939 г., распространить влияние СССР на многие страны Восточной и Юго-Восточной Европы. С точки зрения строгих норм морали эта позиция, бесспорно, достойна осуждения. Но чтобы дать объективную и взвешенную оценку позиции советской делегации на ноябрьских переговорах в Берлине, надо учитывать чрезвычайно сложную и очень опасную для СССР ситуацию в конце 1940 г. Все более возрастала угроза нападения Германии. В этих условиях ответить категорическим отказом на предложения Германии означало пойти на немедленный разрыв с нею, что в тогдашних условиях было явно неразумно. С другой стороны, связать Советский Союз твердыми обязательствами по отношению к участникам Тройственного пакта, что к тому же предлагалось германской стороной только в целях дезинформации, значило существенно осложнить отношения СССР и Англии и дать весьма влиятельным в тот период антисоветским силам еще один дополнительный предлог для осуществления сговора Англии с Германией за счет Советского Союза.

Поэтому весьма осторожная, но в то же время достаточно твердая и взвешенная позиция советской делегации на переговорах в Берлине была, на наш взгляд, в целом обоснованной. Правда, сталинское руководство СССР в конце 1940-го и в начале 1941 г. еще питало иллюзии по поводу возможности отсрочки военного конфликта с Германией, но в свете всего сказанного заявлять, что Советский Союз был в 1940 г. союзником нацистской Германии, как об этом говорится в некоторых публикациях отечественных публицистов и ученых, оснований нет.

Торговые отношения СССР и Германии в 1939-1941 гг. часто также толкуются как доказательство союзнических отношений между ними.

По условиям советско-германского хозяйственного соглашения, заключенного 11 февраля 1940 г., Советский Союз вплоть до 22 июня

1941 г. поставлял в Германию зерно, нефть, хлопок, железную руду, цветные металлы, фосфаты и другие товары. Конечно, это в какой-то степени усиливало позиции Германии.

Однако надо иметь в виду, что, по условиям того же договора, Германия также поставляла в Советский Союз крайне необходимые ему станки, промышленное оборудование и, что особенно важно, большое число новейших видов военной техники (авиационной, артиллерийской и военно-морской).

К тому же, как ни важен был для Германии импорт из СССР, он все же составлял лишь небольшую часть общего объема германского импорта - около 650 млн марок из общей суммы примерно в 7 млрд марок, т. е. менее 10%. Значительно большую часть своего импорта Германия получала в те годы из Швеции, но это ведь не дает права считать нейтральную Швецию союзницей Германии.

Таким образом, при всех крайне одиозных акциях сталинского руководства в 1939-1941 гг., на наш взгляд, все же нет оснований считать СССР даже невоюющим и тем более воюющим союзником фашистской Германии. В целом в начальный период второй мировой войны Советский Союз занимал позицию нейтралитета, иногда даже "благожелательного нейтралитета" при прогерманском курсе официальной пропаганды.

Абсолютно ни на чем не основаны появившиеся в последние годы утверждения, будто бы Сталин готовил в 1941 г. упреждающий превентивный военный удар против Германии.

В книгах В. Суворова и ряде других изданий утверждается, будто Советскому Союзу в 1940 - 1941 гг. никто не угрожал, и, наоборот, именно Советский Союз был готов нанести удар по Германии. С этой целью в СССР шла усиленная разработка оперативных военных планов, строились новые укрепленные районы, происходила перегруппировка войск, мобилизация новых возрастных контингентов, активно проводились военно-штабные учения и военные маневры. На этом основании делается вывод, что вступление Советского Союза в активные военные действия против Германии планировалось будто бы начать 6 июля 1941 г., и Гитлер лишь опередил Сталина, напав 22 июня 1941 г. на СССР.

Измышления В. Суворова не раз убедительно опровергались и в отечественной и в зарубежной научной литературе и публицистике. Не раз указывалось на то, что они просто-напросто повторяют клеветнические утверждения германского меморандума 22 июня 1941 г. об объявлении войны Советскому Союзу. В 1995 г. вышла в свет специальная книга израильского ученого Габриэля Городецкого "Миф "Ледокола", целиком посвященная опровержению книги В. Суворова.

В феврале 1995 г. эта проблема была детально обсуждена на международной научной конференции в Москве, посвященной анализу внешней политики СССР в 1939-1941 гг. За исключением сотрудника Института мировой литературы Российской Академии наук В. В. Соколова, поддер-

жавшего взгляды В. Суворова, все остальные участники дискуссии выступили против измышлений о "превентивной войне" СССР против Германии. Основной доклад на эту тему, сделанный профессором Боннского университета ФРГ Г. А. Якобсеном, так и назывался - "Легенда о превентивной войне". Его поддержали гражданские и военные историки России, Германии, США и Израиля, доказавшие абсолютную необоснованность утверждений В. Суворова и его сторонников.

В их рассуждениях убедительно говорилось о том, что в 1941 г. советскому руководству было ясно, что война с Германией неизбежна. Именно поэтому в СССР и шла тогда активная подготовка к отражению готовившейся Германией агрессии, усиленно разрабатывались оперативные планы военного командования. Да, в стратегическом оперативном плане, разрабатывавшемся в СССР весной 1941 г., предусматривалось быстрое отражение агрессии и переход Красной Армии в контрнаступление. Это было связано с постоянно повторяемым советской пропагандой тезисом, что Красная Армия будет вести войну на территории противника. Но это не имеет ничего общего с планами превентивной войны против Германии, о чем в обсуждениях оперативного плана весной 1941 г. речь не шла.

Более того, известно, что в 1941 г. СССР был еще весьма далек от преодоления военной неподготовленности. Это и определяло стремление Сталина любой ценой оттянуть войну хотя бы до 1942 г. До самых последних июньских дней 1941 г. Сталин не разрешал приводить в боевую готовность войска приграничных округов, чтобы не спровоцировать Германию. Думать, что в этих условиях Сталин намерен был развязать превентивную войну против готовой к войне Германии, - значит утверждать явную нелепость.

Да и катастрофические поражения Советского Союза в первые месяцы Великой Отечественной войны, летом и осенью 1941 г., являются бесспорным свидетельством того, что даже оборонительные действия Красной Армии, не говоря уже о наступательных, были связаны тогда с огромными трудностями.

Что, бывший советский разведчик В. Суворов не знает обо всем этом? Конечно, знает. Он сознательно говорит неправду, сознательно клеветает на свою бывшую родину, которой он изменил. В этом - вся суть ренегата, стремящегося, как говорится, быть "святее самого папы римского", превзойти в антисоветизме самых яростных антисоветчиков Запада.

Таким образом, все рассуждения о "превентивной войне" СССР против Германии, якобы готовившейся в 1941 г. сталинским руководством, не имеют под собой абсолютно никаких оснований.

* * *

События 22 июня 1941 г. и начало Великой Отечественной войны советского народа против гитлеровских захватчиков кардинально изменили

ситуацию. И премьер-министр Англии Уинстон Черчилль, и президент США Франклин Рузвельт сразу же заявили о том, что они окажут всемерную помощь Советскому Союзу, подвергнутому агрессии фашистской Германии. Это положило начало созданию мощной антигитлеровской коалиции, которая повела освободительную войну против нацистской Германии и ее союзников, несмотря на наличие империалистических тенденций в политике Англии и Соединенных Штатов в течение всего периода второй мировой войны.

Но ведь и у сталинского руководства даже в период Великой Отечественной войны тоже были свои собственные корыстные расчеты, весьма далекие от провозглашаемых им благородных идеалов справедливости. Красная Армия освобождала народные массы Европы от коричневой чумы, а сталинское руководство, особенно на заключительном этапе войны, стремилось распространить свое преобладающее влияние, а затем и тоталитарный режим на страны Центральной и Юго-Восточной Европы. Не случайно на всех конференциях "большой тройки" речь зачастую шла, по сути дела, о том же размещении сфер влияния в Европе и Азии, только на сей раз между англо-американским блоком и Советским Союзом. Так уже в годы второй мировой войны закладывались основы новой, биполярной системы международных отношений, сложившейся в послевоенные годы.

Однако это ни в коем случае не может умалить громадный вклад Советского Союза и его западных союзников - Англии и Соединенных Штатов - в великое благородное дело разгрома сил фашизма в годы второй мировой войны, а согласованные решения важнейших международных конференций тех лет - Тегеранской, Крымской и Потсдамской - провозгласили многие принципиально новые основы послевоенного мира, которые в последующие десятилетия не раз успешно использовались народами мира в борьбе за прочный мир, демократию и социальный прогресс человечества.